

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-1 Сумбатов
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-57-68

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ В.А. СУМБАТОВА «РАСПЯТИЕ»: ПРОБЛЕМА СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗЛУ

Алексеева Л.Ф.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье освещается история создания драмы в стихах русского поэта-эмигранта итальянской диаспоры Василия Сумбатова «Распятие» и предложен её анализ в соотнесении с философскими рассуждениями, развёрнутыми на страницах книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925). Основное внимание автора статьи сосредоточено на осмыслении центрального образа – монаха-художника Фернандо, создающего картину страстей Иисуса Христа, для подлинности которой испанские инквизиторы поставили перед ним настоящую «натуру» прибитого к кресту человека. Развенчание ложной позиции непротivления злу, раздумья автора и героя пьесы об ответственности художника за понимание духовного смысла событий – так определяется главный стержень конфликта. Вывод о поэтическом совершенстве, мастерстве речевых характеристик, злободневности и глубине нравственно-философского звучания пьесы, её вневременной актуальности завершает статью.

Ключевые слова: драма в стихах, монах-художник, духовный смысл, непротivление злу, ответственность, конфликт.

DRAMATIC SCENES OF VASILIJ SUMBATOV'S "THE CRUCIFIXION": PROBLEM OF THE RESISTANCE TO EVIL

L. Alexejeva

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article highlights the history of the drama in the poetry of the Italian Diaspora Russian poet-emigrant Vasiliy Sumbatov "The Crucifixion" and proposes the analysis in relation

to the philosophical arguments that are developed on the pages of the book of I. Ilyin, "On the resistance to evil by force" (1925). The author focuses on the understanding the central image of the monk-artist, Fernando, who creates a picture of the passion of Jesus Christ, for the authenticity of which the Spanish inquisitors put before him the real "nature", a nailed to the cross man. The debunking of the false position of non-resistance to evil, thoughts of the author and the character of the play about the artist's responsibility for understanding the spiritual meaning of the event – this is the main core of the conflict. The conclusion on the poetic perfection, mastery of speech characteristics, topicality and depth of moral and philosophical sounding of the play, its timeless relevance completes the article.

Key words: Keywords: drama in verse, the monk-artist, spiritual sense, non-resistance to evil, responsibility, conflict.

В 2017 году исполняется 40 лет со дня кончины Василия Александровича Сумбатова (25 декабря 1893 [7 января 1894] – 8 июля 1977), русского поэта, прозаика, художника, жившего в Италии с 1920 г. и так не вернувшегося домой при жизни. Его стихи и статьи издавались в Мюнхене, Милане, Ливорно и периодике различных диаспор русской эмиграции. В 2006 году издательством «Водолей» совместно с Пизанским университетом был опубликовано впервые в России небольшое собрание стихов В. Сумбатова с названием, которое автор дал последнему скомпонованному им самим сборнику, – «Прозрачная тьма» [5].

Ксерокс авторской рукописи с заголовком «Распятие» и подзаголовком «Драматические сцены» был любезно прислан в Москву из Кембриджа внучкой поэта Еленой Мариусовной Сумбатовой-Реста (скончалась в 2004 году). Текст произведения был опубликован в 2008 году как одно из приложений к материалам Международной конференции [6], проходившей на факультете русской филологии Московского государственного областного университета в 2007 г. В следующем году был сделан доклад и опубликована статья об этом произведении на VIII Между-

народной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») в Великом Новгороде [1].

В середине 1920-х годов в центре внимания русских эмигрантов оказалась книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», над которой философ работал в Италии. Работа над ней была завершена в июне 1925 года в частном издательстве, книга была отпечатана в количестве 2000 экземпляров, а затем распространялась в русском книжном магазине «Град Китеж» в Берлине [3; 4]. Одноименное издательство находилось в Мюнхене. Там тремя годами раньше вышла первая книга стихов Сумбатова [7]. Драматические сцены «Распятие» посвящены герцогу Г.Н. Лейхтенбергскому, владельцу издательства, названному поэтом в письмах одним из тех, кто способствовал выходу из печати «первого тома» стихов¹. В этом же издательстве печаталась книга «История России: 862–1917» [8] представителя до-революционной Российской академии наук в Ватикане Евгения Францевича Шмурло, которого Сумбатов считал одним из «акушеров» собственного сборника стихов.

¹ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 3.

Прошлое и настоящее России, стран Европы, объятых пожаром первой мировой войны и идущих навстречу новой мировой войне, несущей небывалый разрушительный шквал, вновь и вновь оказывались в фокусе осмысления писателей, религиозных философов, историков, художников, поэтов.

Резко заострённые вопросы и рассуждения Ильина вызвали мощную ответную волну у современников, в том числе бывших участников гражданской войны, изгнанников и беженцев, литературных критиков, прозаиков, поэтов, религиозных мыслителей, оказавшихся за пределами Родины, возможно, она достигла и некоторых читателей в Советском Союзе, поскольку в середине 1920-х годов между Москвой и Берлином ещё имел место культурный обмен. Вопрос о разгуле зла был для всех не отвлечённым, не умозрительным, но волновал как животрепещущая проблема, непосредственно обращённая к существенным основам действительности. Люди, одержимые страстями взаимной политической и социальной ненависти, вышли на авансцену истории. Для русского философа здесь не только боль настоящего, но и тревожное предчувствие будущего: «После духовных бед, разразившихся над миром в первую четверть двадцатого века, нетрудно представить себе, что может создать кадр таких, одержимых злобою, агрессивно изуверствующих людей» [3, с. 38], – писал мыслитель, изгнанный из своей страны на «философском корабле». По-своему осмыслил книгу соотечественника и откликнулся на её идеи в жанре драмы в стихах русский поэт, живший в Риме, В.А. Сумбатов.

В «драматических сценах» речь идёт о прошлом католической европейской страны, истории позднего Средневековья. В беловой рукописи сразу под названием – «Распятие (драматические сцены)» – обозначено в скобках: «Начато в 1925 г. Много раз исправлялось». Текст предваряется в качестве эпиграфа выдержкой из исторического труда Хуана де Риоха «Старая Испания»:

«Необычайно реалистическое изображение Распятия, хранящееся в монастыре Саладо, относится знатоками к середине XVI-го века и имеет свою легенду, а может быть, и правдивую историю. Легенда говорит, что Распятие было написано монахом-художником Фернандо с натуры, а натурой служил какой-то еретик, осуждённый на смерть Инквизиционным Трибуналом. Легенда, расширенная и украшенная в более поздние времена, уверяет, что художник во время работы узнал в распятом своего брата и сошёл с ума, но это не вяжется с законченностью картины» [6, с. 121].

Не исключено, что первоначально поэту была чужда мысль философа о необходимости последовательного сопротивления злу, но многое в книге Ильина поэта взволновало, а со временем побудило пересмотреть некоторые категоричные суждения. Вероятно, просился в художественную форму опыт общения с католиками, а затем и с режимом Муссолини, та обстановка, которую он наблюдал в Италии и других странах до и после первой мировой войны.

Можно предположить, что поэт и философ были лично знакомы, встречались, спорили. В письме В.А. Сумбатова к И.А. Персиани из Рима в Белград

от 27 июня 1928 г. сообщается: «Из “перегрызки” с Ильиным у меня – увы! – уцелели только две вещи: стихотворение “Истина” и одна эпиграмма; и то и другое прилагаю»¹. Знаменательно, что стихотворение «Истина» непосредственно перекликается с некоторыми мотивами драматических сцен «Распятие», в нём содержится ёмкая формула: «Нет многих истин, – есть одна, – / Её зовут Любовь!»²»

Создание живописного полотна с изображением казни Христа, «натурой» для которого послужил распятый в средневековье человек, не случайно стало основой произведения В. Сумбатова. Думается, что книга Ильина, а затем и полемика вокруг её положений активизировали и прежде актуальные для русского римлянина-поэта раздумья об ответственности художника за оценку событий, в которых он так или иначе участвует, за содержание своих произведений, в том числе позицию непротivления злу, весьма распространённую в среде русской интеллигенции начала XX века, отчасти благодаря проповедям Л. Толстого. Тем не менее, далеко не сразу обстоятельства собственной жизни и судьбы и философские идеи современников побудили Сумбатова заострить внимание на проблеме сопротивления художника злым силам.

Сумбатов любил всепрощающего Бога. В ранних своих стихах он с воодушевлением воспевал милосердие Христа, его божественную, всепроникающую и всепрощающую любовь.

*Печаль долой! Воскрес Христос!
Воскрес для верных и неверных –
Для злых, жестоких, лицемерных,
Для всех Он свет любви принёс!
[5, с. 43]*

Для поэта источник радости – в христианстве, несмотря ни на какие земные противоречия и грозные явления. Об этом стихотворение «Завет» из мюнхенского сборника. Строфа этого стихотворения может быть воспринята как программная для всего наследия Сумбатова:

*Радость в печали бьётся,
В слезах украдкой кипит.
В каплях осенних льётся,
Весною в громах гремит.
В гневе огнём алеет,
В любви порхает мечтой,
В смерти, как искра, тлеет,
И в страсти светит звездой
[5, с. 44].*

Основной текст «Распятия» был написан при жизни издателя, умершего в 1929 г., поскольку автор сохранил посвящение герцогу, а не его памяти. 30 мая 1928 г. Сумбатов писал о перенёшем тяжёлую операцию герцоге Г.Н. Лейхтенбергском: « <...> Я его люблю и уважаю и бесконечно благодарен ему за многое»³. В одном из писем к Персиани Сумбатов с гордостью вспоминал: «Ах! чуть не забыл: когда я сказал, что “Распятие” уже было Вами ругано и теперь исправлено, Герцог заметил: “Ну, коли экзамен сдан, – зна-

¹ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 47.

² Там же, Л. 48. С некоторыми неточностями опубл.: Русский паломник. 2005. № 34. С. 96.

³ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 44, оборот.

чит стоящая¹ вещь!»² От посвящения поэт не отказался и тогда, когда переписывал текст набело вместе с другими произведениями в 1950-е годы.

О многократной переработке «сцен» свидетельствуют упоминания о кропотливом труде над ними в эпистолярном наследии. Так, в письме к И.А. Персиани от 12 октября 1928 г. Сумбатов шуточно извинялся: «А за “Распятие” не бранитесь, что переписано с помарками и вставками, – сил не хватило переписывать в четвёртый раз. Прямо, хоть секретаря заводи!»³. В конце письма поэт прояснял обстоятельства работы над текстом, подчёркивая интуитивный характер замысла: «Буду ждать с нетерпением Ваших ругательств по поводу “Распятия”⁴, – оно, между прочим, написано в разгар моих болячек, и я до сих пор не понимаю – почему и как я написал всё это»⁵.

9 ноября 1928 г., он вновь подробно излагал историю создания произведения: «Я Вам уже писал, что оно написано было без плана, без всякой подготовительной работы, даже без желания написать именно то, что написано. Мне сейчас трудно, почти невозможно внести поправки в текст, имеющийся у Вас, потому что черновики с бесконечными вариациями не поддаются чтению, так всё исписано и исчеркано. Сначала я разделил всю вещь на 6

частей, но потом одну (3-ю) выкинул, т. к. она показалась мне слабой и без пользы удлиняющей вещь. Теперь я переменил мнение и вставляю эту часть, сильно подправив её. Заново переписать вещь я сейчас не в состоянии уже потому, что большую часть её я писал прямо набело и многого не помню, так как у меня “белового” экземпляра не имеется. Всё же я, следуя Вашим указаниям, сделал кое-какие поправки, которые при сем прилагаю»⁶.

Определить дату белового автографа (под № 301), который ксерокопирован покойной Еленой из тетради, аккуратно заполненной чётким почерком деда, можно только приблизительно. Следующий за драматическими сценами текст (басни) датирован 1952 г. Таким образом, есть основания предположить, что беловой автограф «Распятия» относится к началу 1950-х годов, то есть, автором учтён опыт европейской истории половины XX века, духовная атмосфера, сопровождавшая не только первую мировую войну, русскую революцию 1917 года, гражданскую войну в России, но и вторую мировую войну.

К сожалению, ответные письма И.А. Персиани к Сумбатову для нас недоступны. Однако рассуждения Сумбатова в письмах к белградскому адресату подтверждают, что друг влиял на доработку художественного текста, побуждая пристально анализировать конкретные эпизоды и монологи: «Со всеми замечаниями, кроме трёх, относительно “Распятия” я согласен. А не согласен вот с какими:

1) *Месть Джованни слабовата*. – Но в чём же его месть? Он уже

¹ Так в оригинале.

² Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 74.

³ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 58, оборот.

⁴ Выделено автором письма.

⁵ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 59, оборот.

⁶ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 62 с оборотом.

безумен, когда кончает картину; он придаёт фарисею и воину сходство с Судьёй и Ансельмо *бессознательно, без всякой мысли о мести*. Поэтому и воина, пронзающего Распятого копьём, можно оставить.

2) *Лик Распятого не может быть грозным*. – Ансельмо хочет, чтобы лик был грозен, и объясняет, для чего он хочет этого, следовательно, – вопрос, уместна ли грозность у Распятого, – отпадает.

3) *Недостаточно сильно изображён ужас в словах Джованни «Как смотришь ты! Какой ужасный взгляд!»* – Ужас уже притушился, и жалость пережита раньше (О, Боже мой! Ужасная картина!). Теперь я усилил изображение ужаса в этой речи. Вот и все мои “Контр-огрызки”. Не знаю, годится ли “Распятие” для печати, но чувствую, что написал нечто серьёзное и сильное¹.

О том, что текст, посланный другу, существенно отличался от окончательного, говорит хотя бы то, что у главного героя в обсуждаемой друзьями редакции другое имя – Джованни². Вскоре И.А. Персиани переслал назад в Рим считавшийся на тот момент «беловым» автограф, над которым впоследствии Сумбатов потрудился. 10 января 1929 г. римский адресант общал. «Нездоровье помешало мне вовремя ответить на Ваше письмо и поблагодарить Вас за присланные экземпляры “Распятия” и за газеты. К сожалению, ничего не могу послать Вам для “Нов<ого> Времени”, но, как види-

те, посылаю довольно-таки почёрканное “Распятие”. Все Ваши советы я с благодарностью принял “к сведению и к руководству”, – Вы сразу же увидите это. Перечислю все поправки: [Далее 38 пунктов поправок]. Всего уничтожено около 80-ти стихов, а написано заново вдвое больше, я всё-таки поработал и жду Вашей похвалы»³. О многочисленных доработках, тщательном авторедактировании свидетельствуют письма, полученные адресатом до 10 января 1929 года. Возможно, и после этого процесс творческого совершенствования окончательной редакции текста не закончился, но в 1929 г. И.А. Персиани скончался.

Сюжет сумбатовской поэмы развёртывается с нарастанием трагического звучания. В средневековой Испании времена инквизиции. Художник-монах Фернандо вызван из монастыря в столицу, чтоб заново написать картину Распятия Спасителя. Фернандо весьма искусен как мастер религиозной живописи, ему открыто таинство искусства:

Понятен мне в картине каждый блик,

Мне дорога мельчайшая из линий,

<...>

Когда б я мог, хранил бы я до гроба

Всё, что создать мне в жизни удалось,

Во что я влил весь жар любви и веры,

Всю силу дум, рождавшихся в уме...

[6, с. 122].

Монах-художник увлечён созданием образа Христа милостивого – даже в страдании на кресте. Недаром в эти

¹ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 62 с оборотом.

² Итальянское имя монаха поэт впоследствии заменил на испанское.

³ Сумбатов В.А. Письма к И.А. Персиани // РГАЛИ. Фонд 2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Л. 73 оборот

годы Сумбатов многократно переведил сонет Микеланджело Буонаротти о переходе человека из одного мира в другой, о конечной «пристани, где счёт ведут делам добра и зла». В этот момент все ценности земной жизни отодвигаются, по-новому открывается значение Любви, открывшей жертвенные объятия с креста.

Теперь, когда две смерти предо мной, –

Ждёт душу ад, и тело ждёт могила, –

Где слава, страсть, искусство, красота?!..

Не в них теперь душа нашла покой,

Но в той Любви, что благостно раскрыла

Объятия всем с голгофского креста [4, с. 361].

С самого начала драматургического сюжета из уст Фернандо звучат слова, в которых содержится предзнаменование трагического конфликта художника со злобными политиками Трибунала.

Пусть говорит и праведным и грешным:

*«Я пострадал, чтоб не страдали вы;
Я муку снёс без стопа, без упрёка,*

Чтоб свет любви сиял для всех людей,

Чтоб человек был братом человеку...» [6, с. 122].

Приор монастыря недоволен светлым обликом Распятого, требует переписать картину заново. Драматургический сюжет Сумбатова приобретает форму традиционной завязки: из столицы приезжает в монастырь прелат Ансельмо, имеющий высокий духовный сан, и убеждает «с помощью Пи-

сания», что возможен Христос, воздающий возмездие. Прелат как будто сам является наместником карающего Христа и вместе с Судьёй-инквизитором они своевольно учиняют казни над инакомыслящими, оглашая приговоры именем Церкви.

Сюжет осложняется не только сложными вопросами нравственно-философского и психологического характера: специальное значение имеет для автора и проблема иконописи, ответственности художника не только за эстетическое качество созданных им произведений, но и за верную оценку духовного смысла происходящих событий, поступков людей, в особенности претендующих на роль духовных вожатых. Вероятно, отчасти в стихотворной пьесе нашли выражение намёки на политический режим Муссолини, в чём-то аналогичный иезуитству католиков средних веков.

Фернандо мучают сомнения. Возможен ли Христос карающий? Может ли человек, исповедующий учение Христа, спокойно, без сопротивления, смотреть, как одни люди мучают других? Картина (изначально для самих заказчиков – не икона) готовится для зала Трибунала, её цель – устрашение грешников, напоминание о перспективе возмездия людям за их земные прегрешения. Развитие сюжета осложняется тем, что, добиваясь желательного эффекта, художника заставляют писать картину с натуры, для чего буквально распинают на кресте молодого поэта Бернардино. Приехавший из столицы высокопоставленный клирик присутствует при появлении художника возле креста, на котором распят и пребывает в страшных муках живой человек.

Фернандо (в ужасе отступая):

Что вижу я?!..

Ансельмо:

Распятого ты видишь.

*Где ж мира свет на скорченном
лице?*

Где красота согласных линий в теле?

*Горящий взор безумен, страшен,
дик, –*

В нём не найти любви и всепрощенья,

Да и смешно их было бы искать

[5, с. 125].

Духовный руководитель требует от художника земной правды, не символического иконописания, но натуралистического изображения, земной телесной правды, отторгнутой от вопросов духовного содержания. На кресте не Бог, а только человек. Судя по всему, прелат сам не верит в добровольную жертву и воскресение Христа, ему чуждо спасающее милосердие Бога.

Как видишь, всё иначе у распятых, –

Не так, как думал ты. Садись работать,

Да не забудь угрозы выраженья

И взгляду и чертам его придать...

[6, с. 125]

Распятый на кресте поэт Бернардино узнаёт в «живописце» родного старшего брата. Это случилось раньше, чем понял, что перед ним младший брат, сам Фернандо.

Сумбатов показывает, как католический земной суд стремится выдать себя за небесный. Ансельмо и Судья требуют от Фернандо последнего послушания, служения целям искусства, специально для этой цели обрекают на муки *мать и брата*, – чтоб обеспечить для художника натуру, а христианам,

дабы имели положительный пример, представить образец самоотречения в вере. Страдания родных людей, «ближних», которых завещано любить, – для инквизиторов – всего лишь повод для создания убедительного полотна, выполняющего политические задачи. За строчками драматической поэмы угадываются духовные приметы тоталитарных режимов, от сопротивления которым многие, убаюканные экономическими успехами, прекраснотушно уклонялись, не понимая масштабов зла, которое стремительно укреплялось, не находя сопротивления.

Сумбатов показывает, что ситуация, требующая от монаха послушания, не лишает его духовной проницательности. Фернандо весь в опасении, что, повинуясь идеологам, он может ступить на ложный путь. Абсолютное подчинение «старшим», уход от ответственности за собственный путь вновь и вновь вызывает протест в душе художника. Ему непросто понять, где грех, трудно воспротивиться представляющим Церковь земным судиям, отнимающим у людей надежды. Обладая чутким сердцем, художник ощущает себя виновником смерти младшего брата-поэта, сочинявшего и исполнявшего невинные песенки, и терзается виной, что он оставил мать и брата ради монастыря, служения Богу, но холодно, как бессердечный наблюдатель, следил за переходом тела брата из жизни в смерть. Поэт передает мучительное смятение Фернандо. Он искренне сочувствует поначалу не узанному им брату, страдания человека побуждают его вспомнить о мучениях Спасителя.

Прости меня, неведомый страдалец! –

*Доволен я, что знания мои
Могу теперь проверить и расши-
рить*

*И признаки непостижимой боли
На полотне правдиво передать...*

[6, с. 133-134].

Помочь несчастному он не может, и, несмотря на возмущение жестокостью трибунала, всё же пишет злополучную картину, обманутый хитрецом Ансельмо, уверявшим, что видел над художником божественный свет, благословляющий перст Господа. Крупным планом выступают среди действующих лиц католические идеологи средневековой поры. Очень важно, что Сумбатов изображает не закоренелых обманщиков и наглых лжецов, но людей своеобразно убеждённых в своей правоте, надеющихся интригами и казнями вернуть авторитет Церкви. Они знают о всеобщем и собственном падении, понимают, что и для них, разделяющих со всеми грехи века, – Христос чужой:

*Воителям примером служит Цезарь,
Философам – Платон и Аристо-
тель,*

*Царям – Траян, цареубийцам –
Брут,*

*Неистовым блудницам – Клеопатра,
И лишь Христу никто не подража-
ет... [7, с. 133-134].*

Многое из того, о чём идёт речь в «драматических сценах», внушено поэту развёрнутыми в книге рассуждениями И.А. Ильина. Может быть, в ещё большей степени «Распятие» создавалось на основе собственного жизненного опыта, знаний о реальном положении дел во время первой мировой войны, в большевистской, за-

тем нэпманской России, в странах Запада. Поэт вполне самостоятельно, не только из-за «перегрызки с Ильиным» размышлял о духовных изъянах современников:

*Все преданы сейчас наживе и разврату,
Погрязли все в болоте суеты.*

*Вокруг – купцы, воители, артисты,
Законники, слепые мудрецы,*

*Но не найти среди них христиани-
на!.. [6, с. 134].*

О лукавстве инквизиторов-чиновников читатель догадается только после реплики Ансельмо, что ему изначально было известно, что прибитый к кресту – родной брат Фернандо, что натуру для образа скорбящей Богородицы он сам пригласил, зная, что это – родная мать живописца. И Ансельмо спокойно ожидал политического эффекта от картины, потирая руки от предчувствия, что перешагнувший через страдания брата и матери «истинный художник» усилит политические позиции христиан-инквизиторов.

Фернандо обескуражен решением трибунала, допустимостью распять живого человека за оскорбительные для Трибунала песенки. Он готов отдать жизнь «за то, чтоб ожил Бернардино». Ансельмо сухо уверяет, что еретик достоин казни, но Фернандо – уже без монашеской покорности – обрывает прелата: «Пусть судит Бог его! Ты – не судья!..» [7, с. 139]

В.А. Сумбатов последовательно обличает изошрённую логику иезуитов и противопоставляет ей идею искреннего, непритворного служения добру. Все сцены концентрируют внимание зрителя на опасности подчинения злу, которое скрывается под маской добра.

По-видимому, большое значение для поэта имело место в Евангелии от апостола Луки: «Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим; и послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское; чтобы приготовить для Него; но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешественного в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошёл с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришёл не губить души человеческие, а спасать» [2, с. 159-160].

Скорбные муки собственной матери, оплакивавшей смерть трёх его братьев и сестры, вдохновили Сумбатова на горькие монологи героини драматических сцен. Она потрясена казнью младшего сына и равнодушием художника-старшего. Трагическое озвучивание персонажей достигает высокого накала и по существу напоминает, что и сам автор пьесы отчасти находится в ситуации своего героя, запечатлевающего в своих художественных произведениях горькие изъяны своей современности, боль своей Родины, о которой он писал в знаменательном стихотворении «Мать».

И.А. Ильин писал: «Духовно здоровый человек не может не возмущаться при виде внутренне торжествующего и внешне изливающегося зла; он не может не чувствовать, что несопротивление ему есть не только поущение, и одобрение, и молчаливое ободрение, но и *соучастие* <...> Благоговеющий трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим, проти-

воестествен: это моральный предрасудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие. Этот трепет <...> ведёт человека под флагом “непротивления злу насилием” к <...> духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению» [3, с. 70-71].

Будто бы «бессознательно» развёрнутый Сумбатовым сюжет содержит безусловный отклик на глубокие раздумья философа-современника о поведении человека, являющегося свидетелем зла, совершающегося в его присутствии. Драматическая поэма печально оканчивается самоубийством Фернандо. Тупик, в который он попал, объясняет он сам собственной трусостью, нерешительностью, обернувшейся победой демонических сил. Ужасает финальная реплика церковнослужителя, реакция на самоубийство художника: «Повесился – и слава Богу!» [6, с. 150]

Атмосферу страха и недоверия людей друг другу и своим начальникам передают диалоги стражников, с большим остроумием выражающие оценку политической системы, основанной на жестокости.

Сумбатов всем развитием сцен и картин показывает, что человек не может усыпить свой дух заботой о творческом совершенстве. На нём, в особенности, если он художник («народа водитель»), обязанность понимать духовный смысл происходящего, разгадать и обнажить мотивы коварных поступков властителей, остановить несправедливую казнь, рискуя жизнью. Иначе он неуклонно становится соучастником зла. Тем не менее, несмотря на печальный финал, драматические сцены содержат глубокую

мысль о творческом запасе живого духа художника, обличившего интриганов и жестоких мучителей – уже бесосознательно, в безумии, – придав на картине палачу и легионеру портретное сходство с инквизиторами Ансельмо и Судьей.

Ценность художественного произведения В.А. Сумбатова состоит не только в злободневности его нрав-

ственно-философского звучания, но и в изобразительном совершенстве экфрасиса, точности и богатстве речевых характеристик, достоверности выражения психологических состояний, мастерстве тонкого лиризма, сатирических и иронических интонаций. Думается, что современным театром она может быть востребована.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Л.Ф. Драматические сцены В.А. Сумбатова «Распятие»: Диалог с И.А. Ильиным о сопротивлении злу // Духовные начала русского искусства и образования: Материалы VIII Междунар. научн. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). Великий Новгород, 20–22 июня 2008 года / сост. А.В. Моторин. Великий Новгород, 2008. С. 311–320.
2. Евангелие. От Луки // Новый завет. М.: Изд. дом «Паломник», 2004.
3. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Pro et contra: Polemika вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою / сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. М.: Айрис-пресс, 2005. 576 с.
4. Лисица Ю.Т. От составителя // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Pro et contra: Polemika вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою / сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 5–28.
5. Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / сост. Л.Ф. Алексеевой; науч. ред., подгот. текста В.А. Резвого; предисловие, биографическая справка С. Гардзонио; примеч. Л.Ф. Алексеевой, С. Гардзонио, В.А. Резвого. Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. 408 с.
6. Сумбатов В.А. Распятие (Драматические сцены) // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы III Международной научной конференции: Москва, МГОУ, 27–28 июня 2007 г. Выпуск 5. Литература Русского зарубежья. Приложение к 4 и 5 выпускам / ред.-сост. Л.Ф. Алексеева. М.: Изд-во МГОУ, 2008. С. 121–150.
7. Сумбатов В.А. Стихотворения В. Сумбатова. Мюнхен: «Град Китеж», 1922. 130 с.
8. Шму́рло Е.Ф. История России: 862–1917 / предисловие, вступит. статья автора. Мюнхен: Книжный магазин “Град Китеж”, 1922. XI, 565 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L.F. [Dramatic scenes of V. Sumbatov's "Crucifixion": a dialogue with A. Ilyin, on resistance to evil]. In: *Dukhovnyye nachala russkogo iskusstva i obrazovaniya: Materialy VIII Mezhdunar. nauchn. konf. «Dukhovnyye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniya» («Nikitskie chteniya»)*. Velikii Novgorod, 20–22 iyunya 2008 goda [Spiritual principles of Russian art and education: Materials of 8th International scientific conference "Spiritual principles of Russian art and enlightenment" ("Nikitskie chteniya")]. Veliky Novgorod, June 20–22, 2008]. Veliky Novgorod, 2008, pp. 311–320.
2. The Gospel. [Luke]. In: *Novyi zavet* [New Testament]. Moscow, Publ. house «Palomnik», 2004.

3. Il'in I.A. *O soprotivlenii zlu siloyu. Pro et contra: Polemika vokrug idei I.A. Il'ina o soprotivlenii zlu siloyu*. [On resistance to evil by force. Pro et contra: the Controversy around the ideas of I. Ilyin on resistance to evil by force]. Moscow, Airis-press Publ., 2005. 576 p.
4. Lisitsa YU.T. From the compiler. In: *Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu. Pro et contra: Polemika vokrug idei I.A. Il'ina o soprotivlenii zlu siloyu* [I. Ilyin. On resistance to evil by force. Pro et contra: the Controversy around the ideas of I. Ilyin on resistance to evil by force]. Moscow, Airis-press Publ., 2005, pp. 5–28.
5. Sumbatov V.A. *Prozrachnaya t'ma: Sbranie stikhotvorenii* [A transparent darkness: a Collection of poems]. Pisa; Moscow, Vodolei Publishers, 2006. 408 p.
6. Sumbatov V.A. [The crucifixion (Dramatic scenes)]. In: *Maloizvestnye stranitsy i novye kontseptsii istorii russkoi literatury XX veka: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Moskva, MGOU, 27–28 iyunya 2007 g. Vypusk 5. Literatura Russkogo zarubezh'ya. Prilozhenie k 4 i 5 vypuskam* [Little-known pages and new concepts of the history of the Russian literature of 20th century: Materials of the 3rd International scientific conference: Moscow, MSRU, 27–28 June 2007, Issue 5. Russian literature abroad. Appendix to the 4th and 5th editions]. Moscow, MSRU Ed. Off. Publ., 2008, pp. 121–150.
7. Sumbatov V.A. *Stikhotvoreniya V. Sumbatova*. [Poems by V. Sumbatov]. Munich, Knizhnyi magazin «Grad Kitezh» Publ., 1922. 130 p.
8. Shmurlo E.F. *Istoriya Rossii: 862–1917*. [History of Russia: 862–1917]. Munich, Knizhnyi magazin «Grad Kitezh» Publ., 1922. 565 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Историко-филологического института Московского государственного областного университета;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov F. Alexejeva – Doctor in Philological sciences, professor, professor at the Department of the Russian literature of the 20th century in Historical-Philological Institute of Moscow Region State University;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Алексеева Л.Ф. Драматические сцены В.А. Сумбатова «Распятие»: проблема сопротивления злу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 57–68.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-57-68

CORRECT REFERENCE

L. Alexejeva. Dramatic scenes of Vasiliy Sumbatov's "The Crucifixion": problem of the resistance to evil. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 3, pp. 57–68.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-57-68